

Юбилей Казанской Духовной Академіи.

Въ августѣ текущаго года въ Московскую академію при-слано было изъ Казани сообщеніе, что, съ разрѣшенія высшей власти, Казанская духовная академія имѣетъ праздновать 21-го сентября пятидесятилѣтній юбилей своего существованія. Совѣтъ Казанской академіи приглашалъ Московскую академію принять участіе въ предполагаемомъ торжествѣ. Изъ присланной вмѣстѣ съ приглашеніемъ печатной программы оказывалось, что юбилейное празднованіе, въ составъ котораго входили заупокойныя и торжественныя богослуженія, торжественное собраніе и поѣздка въ Свіяжскъ, должно будетъ продолжиться четыре дня, съ 20-го по 23-е число сентября. Время Казанскаго юбилея было, къ сожалѣнію, весьма неудобнымъ для Московской академіи, такъ какъ совпадало съ предполагавшимся въ Троицкой лаврѣ торжествомъ празднованія пятисотлѣтія со дня блаженной кончины преподобнаго Сергія и съ приуроченнымъ къ этому-же торжеству праздникомъ освященія новой академической церкви. Какъ-бы то ни было, но совѣтъ Московской академіи счелъ для себя пріятнымъ долгомъ принять возможное участіе въ Казанскомъ торжествѣ, уполномочивъ двоихъ своихъ членовъ, экстраординарныхъ профессоровъ: В. А. Соколова и І. А. Татарскаго, отправиться въ Казань въ качествѣ представителей Московской академіи и поручивъ проф. Соколову составить по этому случаю привѣтственный адресъ.

Когда, исполняя порученіе совѣта, я ступилъ на пароходъ, чтобы спуститься на немъ внизъ по матушкѣ по Волгѣ, я вполнѣ былъ увѣренъ, что любуюсь ея широкимъ

раздольемъ и предвкушая радость предстоящаго юбилейнаго торжества, я буду испытывать одно лишь свѣтлое, отрадное чувство; но, къ удивленію, мои ожиданія не совсѣмъ оправдались. Ужъ такъ устроенъ человѣкъ, что если засядетъ ему въ голову какая-либо не совсѣмъ пріятная, но упорная мысль, то она способна побороть всѣ, хотя-бы часто и радостныя, впечатлѣнія окружающей обстановки. Такъ было и со мною. Всю дорогу меня занимала и нѣсколько смущала мысль о томъ, что вотъ я являюсь въ Казань, чувствуя себя въ ней совсѣмъ чужимъ и одинокимъ. Развертывавшіяся предо мною чудныя картины волжскаго побережья не въ силахъ были вполнѣ завладѣть моимъ вниманіемъ; успокоивающій плескъ тихой волны не могъ заглушить моей назойливой мысли. Странное дѣло, думалось мнѣ. Уже восемнадцать лѣтъ служу я въ духовной академіи, ѣду теперь въ такую-же духовную академію, какъ наша, и что же? Нѣтъ мнѣ въ ней, за единственнымъ случайнымъ исключеніемъ, ни одного знакомаго человѣка, не испытаю я удовольствія встрѣтить черты знакомаго лица. Въ этомъ случаѣ я совсѣмъ не представляю собою какого-либо рѣдкаго исключенія. Напротивъ, очень многіе, даже большинство моихъ сотоварищей во всѣхъ академіяхъ всегда оказываются приблизительно въ такомъ-же положеніи, когда приходятъ въ соприкосновеніе съ какою-либо другою академіей. Вездѣ, кромѣ своего роднаго учрежденія, имъ приходится чувствовать себя почти чужими. Конечно, я, какъ и всякій другой въ моемъ положеніи, не скажу, чтобы я не знакомъ былъ напр. съ Казанскою академіей. Я знаю ея исторію, имѣю надлежащее понятіе о содержаніи, характерѣ и направленіи ея ученой дѣятельности, объ ея личномъ составѣ, о ходѣ ея внутренней жизни. Каждый изъ насъ знаетъ все это о всякой другой академіи, но какъ знаетъ? По книгамъ, по годичнымъ отчетамъ, по совѣтскимъ протоколамъ, т. е. знаетъ такъ, какъ можетъ знать всякій посторонній человѣкъ, интересующійся слѣдить за духовною литературой. Профессоръ духовной академіи напр. въ Петербургѣ, Москвѣ или Кіевѣ стоитъ такимъ образомъ къ Казанской академіи почти въ такомъ-же отношеніи, какъ и всякій сторонній человѣкъ; существо и характеръ той внутренней, духовной жизни этой академіи, которая не выражается въ офици-

альныхъ протоколахъ и отчетахъ, для него почти такъ-же мало доступны и извѣстны, какъ и для всякаго посторонняго наблюдателя. А между тѣмъ дѣятели всѣхъ нашихъ духовныхъ академій работаютъ вѣдь на одной широкой нивѣ духовнаго просвѣщенія; стремятся къ одной и той-же, всѣмъ имъ одинаково предпоставленной, цѣли; находятся въ однихъ и тѣхъ-же жизненныхъ условіяхъ: борются имъ повсюду приходится съ тѣми-же препятствіями; и скорби и радости у нихъ въ существѣ дѣла однѣ и тѣ-же. При такомъ единствѣ цѣли и общности дѣятельности, какъ благотворно было-бы установить между учрежденіями не внѣшнюю только, официальную, а живую, тѣсную внутреннюю связь! Какъ отрадно было-бы, работая въ той или другой области богословской науки, сознавать и чувствовать свое общеніе съ подобными-же дѣятелями другихъ академій! Имѣть возможность подѣлиться съ ними своими впечатлѣніями и выводами, оказать другъ другу научную помощь, побесѣдовать, поспорить; вмѣстѣ обсудить какіе-либо вопросы или недоумѣнія, какъ научнаго такъ и воспитательнаго или административнаго свойства, потолковать о постановкѣ преподаванія той или другой академической науки и т. д. И много, много предметовъ нашлось-бы, конечно, въ этомъ случаѣ для долгой и оживленной бесѣды,—предметовъ, которыхъ никогда не выяснятъ никакіе отчеты или протоколы. Само собою разумѣется, что многія сотни верствъ, раскинувшіяся между академіями, не особенно благоприятствуютъ ихъ живому взаимному общенію; но и при такихъ условіяхъ, поразмысливъ хорошенько, многого, кажется, всетаки можно было-бы достигнуть. Отчего-бы напр. академическимъ дѣятелямъ не затѣять между собою въ возможно болѣе широкихъ размѣрахъ частной переписки другъ съ другомъ? Отчего-бы не открыть страницъ своихъ печатныхъ органовъ для постояннаго сообщенія свѣдѣній о внутренней жизни другихъ академій и для обсуждения взаимно-интересующихъ вопросовъ? Отчего-бы наконецъ не позаботиться объ изысканіи какихъ-либо способовъ для установленія возможно большаго личнаго знакомства профессоровъ между собою? Наше время напр.: есть время всякихъ возможныхъ конгрессовъ и сѣздовъ. На нашихъ глазахъ сѣзжаются и археологи, и естествовѣды, и врачи, и народные учителя, и желѣзно-

дорожники, и овцеводы, и мукомолы, и сахарные заводчики и т. д. Если мы не видимъ сѣздовъ богослововъ и церковныхъ историковъ, то, конечно, ужъ никакъ не потому, чтобы интересы богословской науки и духовнаго просвѣщенія менѣ заслуживали вниманія. Да можно, мнѣ думается, ту-же мысль осуществить въ гораздо болѣе скромныхъ размѣрахъ. Отчего-бы напр., воспользовавшись свободнымъ временемъ вакаціи, вмѣсто того, чтобы по одиночкѣ разъѣзжаться въ разныя стороны, профессорамъ какой-либо академіи не собраться вмѣстѣ и не предпринять экскурсію въ другую академію? Въ одно лѣто сборнымъ пунктомъ послужить-бы, по предварительному взаимному соглашенію, положимъ Кіевъ, въ другое—Сергіевскій посадъ или Казань, или Петербургъ. Вышли-бы маленькіе „сѣздики“, безъ оффиціальности, безъ помпы; но съ неменьшею пользою для дѣла. Все это, Вы скажете, однѣ мечты?! — Можетъ быть; но почему-же и не помечтать, если мечты и возбуждаемая ими энергія служатъ подчасъ едва-ли не лучшимъ украшеніемъ часто неприглядной дѣйствительности. Не даромъ-же вѣдь мечты зовутъ „златыми“. Позвольте-же мнѣ сохранить въ душѣ эту мою золотую мечту о постоянномъ общеніи, о тѣсной, живой связи между всѣми нашими академіями и, по мѣрѣ своихъ слабыхъ силъ, поработать при случаѣ для ея возможнаго осуществленія.

Поѣздка въ Казань была для меня рѣдкимъ счастливымъ случаемъ стать въ близкое соприкосновеніе съ тою академіей, непосредственнаго общенія съ которой дотолѣ мнѣ имѣть не приходилось, и эта поѣздка показала, что мои опасенія чувствовать себя тамъ чужимъ и одинокимъ были въ значительной степени не основательны. Съ первыхъ-же шаговъ въ Казани можно было придти къ отрадному убѣжденію, что питомцы и служители духовной школы, какъ-бы далеко ни были поставлены судьбою другъ отъ друга, при первомъ-же сближеніи невольно чувствуютъ свое близкое духовное родство. Всего два дня пришлось мнѣ провести въ Казани, но и въ эти немногіе дни, благодаря сердечному радушію академической корпораціи, съ очень многими изъ ея членовъ мнѣ удалось уже побесѣдовать настолько, что я признаю за собою право отнынѣ считать себя съ ними въ отношеніяхъ добраго личнаго знакомства. Не есть-ли

это весьма существенный шагъ впередъ на пути къ осуществленію моей златой мечты? Съ своей стороны, не могу не выразить искренняго пожеланія, чтобы эта связь, начало которой теперь положено, на будущее время лишь крѣпла, росла и развивалась.

„Отчего-бы духовнымъ академіямъ, думалось мнѣ на па-роходѣ, не открыть страницъ своихъ печатныхъ органовъ для постояннаго сообщенія свѣдѣній о жизни другихъ академій“? Отчего-бы, думаю я теперь, не рассказать мнѣ о томъ, какъ Казанская академія праздновала свой пятидесяти-лѣтній юбилей?

На канунъ юбилейнаго дня въ академической церкви, согласно программѣ, совершена была литургія и панихида о упокоеніи всѣхъ почившихъ покровителей академіи, почетныхъ членовъ, учившихъ и учившихся. Литургію совершалъ Преосвященный Варсонофій, епископъ Симбирскій и Сызранскій, съ соборомъ академическаго духовенства, при чемъ посвященное памяти почившихъ дѣятелей академіи слово произнесено было доцентомъ священникомъ Смирновымъ. На панихиду вышли всѣ архипастыри, почтившіе академическій юбилей своимъ присутствіемъ, а именно: Высокопреосвященный Владиміръ, Архіепископъ Казанскій и Свіяжскій, и преосв. Епископы: Варсонофій Симбирскій и Сызранскій, Владиміръ Нижегородскій и Арзамасскій, Гурій Камчатскій, Курильскій и Благовѣщенскій, Григорій Ковенскій, викарій Литовской епархіи, Сергій Новгородъ-Сѣверскій, викарій Черниговской епархіи и Никаноръ Чебоксарскій, викарій епархіи Казанской.—Главный корпусъ Казанской академіи, гдѣ помѣщается и академическая церковь, производитъ на посѣтителя очень хорошее впечатлѣніе высотой, свѣтомъ и просторомъ своихъ залъ и корридоровъ и красивыми, роскошными по размѣрамъ, лѣстницами параднаго входа. Академическая церковь, высокая и свѣтлая, съ изящнымъ рѣзнымъ иконостасомъ, высматриваетъ очень красиво; но она такъ не велика, что, при необычномъ на этотъ разъ стеченіи народа, не могла вмѣстить вѣроятно и третьей части тѣхъ, которые желали-бы присутствовать при богослуженіи. Въ обыкновенное время впрочемъ она, какъ говорятъ, вполне удовлетворяетъ по своей вмѣстимости потребностямъ академіи. Студенческій

хоръ иѣлъ прекрасно не только по стройности и чистотѣ въ музыкальномъ отношеніи, но и по удачному стремленію придать своему исполненію надлежащую выразительность, что въ особенности замѣтно было въ нѣкоторыхъ пѣснопѣніяхъ панихиды. Всенощное бдѣніе въ этотъ день совершалъ о. ректоръ академіи, протоіерей А. П. Владимірскій, въ сослуженіи многочисленнаго собора протоіереевъ и священниковъ.

Юбилейное торжество 21-го сентября началось божественною литургіей, которую совершалъ Высокопреосвящ. Владиміръ Архіеп. Казанскій въ сослуженіи Преосвященныхъ Епископовъ Гурія Камчатскаго и Григорія Ковенскаго, а приличествующее торжеству слово произнесено было доцентомъ священникомъ Виноградовымъ. Въ торжественномъ молебствіи послѣ литургіи приняли участіе всѣ прибывшіе на юбилей архипастыри и многочисленный сонмъ академическаго и городского духовенства. Богослуженіе окончилось въ первомъ часу пополудни, послѣ чего, вслѣдъ за Преосв. Архипастырями, почетные гости и представители учреждений приглашены были на чашку чая въ квартиру инспектора академіи, проф. Н. Я. Бѣляева. Въ началѣ втораго часа въ актовомъ залѣ академіи открылось торжественное юбилейное собраніе.

Обширный залъ, украшенный большими портретами высокихъ покровителей Казанской академіи и разныхъ достопамятныхъ въ ея исторіи лицъ, былъ переполненъ посѣтителями, а на хорахъ помѣщались студенты и воспитанники крещено-татарской школы. На срединѣ главной стѣны зала возвышалась кафедра, а предъ нею на столѣ поставлены были святая иконы, предзначавшіяся въ благословеніе академіи отъ архипастырей, и присланные отъ разныхъ учреждений привѣтственные адреса въ роскошныхъ бархатныхъ или атласныхъ папкахъ и футлярахъ. Блестящіе мундиры и ленты почетныхъ посѣтителей и роскошные туалеты дамъ придавали собранію очень нарядный и торжественный видъ. — Актъ открылся общимъ пѣніемъ стихирь: „Днесъ благодать Св. Духа насъ собра“, послѣ чего воспитанники крещено-татарской школы пропѣли тропарь св. Гурію на татарскомъ языкѣ. Послѣ слѣдовавшаго затѣмъ пѣнія тропаря св. Дмитрію Ростовскому и Пресв. Богородицѣ: „Заступнице

усердная“, на кафедре вступилъ о. ректоръ академіи, первый студентъ ея перваго выпуска, протоіерей А. П. Владимірскій, и открылъ собраніе краткою рѣчью. За нимъ появился на кафедрѣ профессоръ И. С. Бердниковъ, который предложилъ вниманію собранія подробную историческую записку о дѣятельности Казанской академіи въ истекшее пятидесятилѣтіе ея существованія. Послѣ чтенія профессора Бердникова и исполненнаго хоромъ концерта, слѣдовали многочисленныя привѣтствія академіи отъ разныхъ лицъ и учреждений. Рядъ этихъ привѣтствій открытъ былъ рѣчами Высокопреосвященнаго Архіепископа Казанскаго и Преосвященнаго Епископа Нижегородскаго, который вручили при этомъ о. ректору, въ даръ и благословеніе академіи, святыя иконы. Высокопреосвященный Архіепископъ Казанскій, много лѣтъ потрудившійся въ былые годы на поприщѣ миссіонерской дѣятельности, въ своей прекрасной сердечной рѣчи съ особенною силою и признательностію выставилъ на видъ значеніе Казанской академіи какъ такого учрежденія, которое служило и служить оплотомъ для православнаго миссіонерскаго дѣла на востокѣ. — Во главѣ ученыхъ учреждений, привѣтствовавшихъ Казанскаго юбиляра, выступила Императорская Академія наукъ въ лицѣ своего члена-корреспондента, помощника попечителя мѣстнаго учебнаго округа г. Латышева, который прочиталъ привѣтственный адресъ академіи, подписанный Его Императорскимъ Высочествомъ, Великимъ Княземъ Константиномъ Константиновичемъ. Послѣ Академіи наукъ, очередь привѣтствія предоставлена была духовнымъ академіямъ и прежде всего старѣйшей изъ нихъ — академіи С.-Петербургской, адресъ которой прочитанъ былъ профессоромъ И. Ѳ. Нильскимъ. Затѣмъ вступили на кафедру представители Московской духовной академіи, старшій изъ которыхъ, проф. Соколовъ, прочиталъ привѣтственный адресъ, предпославъ ему нѣсколько обращенныхъ къ собранію словъ. „Нынѣшній день, говорилъ онъ, при торжественномъ колокольномъ звонѣ, съ иконами и хоругвями, предшествуемая многочисленнымъ сонмомъ своего духовенства, православная Москва шествуетъ крестнымъ ходомъ въ святую обитель Сергіеву. Тамъ началось уже священное торжество празднованія пятисотлѣтія со дня блаженной кончины великаго русскаго

подвижника. Само собою разумѣется, что Московская духовная академія, пріютившаяся подъ священнымъ кровомъ обители Преподобнаго Сергія, не могла не принять и принимаетъ самое живое участіе во всенародномъ торжествѣ. Совпаденіе Казанскаго академическаго праздника съ праздникомъ лаврскимъ и было причиною, почему въ настоящемъ торжественномъ собраніи стоитъ здѣсь предъ Вами не ректоръ и не кто-либо изъ старѣйшихъ и достойнѣйшихъ вождей Московской академіи; а намъ, [†]сравнительно меньшимъ изъ академической братіи, выпала на долю высокая честь явиться представителями своей родной академіи, которая и поручила намъ быть здѣсь ея устами и принести отъ ея имени слѣдующее привѣтствіе“:

„Московская Духовная Академія братски привѣтствуетъ Академію Казанскую въ торжественный день ея совершившагося пятидесятилѣтія“.

„Крѣпкая родственная связь издавна установилась между Москвою и Казанью. Московскій царь силою своего побѣдоноснаго оружія пріобщилъ Казань къ единству государства Россійскаго и утвердилъ въ ней начала русской жизни и гражданственности. Съ Москвы-же прибывшій святитель трудился надъ просвѣщеніемъ дотолѣ иновѣрной Казани свѣтомъ православнаго ученія. — Три вѣка спустя, Московской Духовной Академіи суждено было стать выразительницею той-же старинной связи и въ дѣлѣ духовнаго образованія. Новооткрытая Казанская Академія отъ Московской получила тотъ учебный округъ, для котораго отнынѣ она должна была стать самостоятельнымъ административнымъ центромъ, и который до того времени находился въ завѣдываніи Академіи Московской. Начиная свою ученую и учебную дѣятельность, Казанская Академія отъ Московской заимствовала на первыхъ порахъ и почти всѣ свои научныя силы. Большая часть ея кааедръ занята была московскими воспитанниками, которые не мало поработали надъ созиданіемъ для новой академіи ея лучшихъ преданій и трудились въ ней до тѣхъ поръ, пока она сама не воспитала для себя талантовъ и дѣятелей въ лицѣ своихъ собственныхъ питомцевъ. Вотъ почему Московская Академія съ особеннымъ родственнымъ сочувствіемъ привѣтствуетъ теперь свою младшую Казанскую сестру, искренно радуясь

тѣмъ высокими заслугами для церкви и духовнаго просвѣщенія, какими она ознаменовала себя въ минувшее пятидесятилѣтіе“.

„Высоко цѣнить Московская Академія ученые изслѣдованія своихъ Казанскихъ собратій по всѣмъ отраслямъ академической науки и, въ особенности, по исторіи отечественной церкви и просвѣщенія, а также почтенные труды ихъ по переводу и изданію соборныхъ дѣяній, твореній отцевъ и учителей церкви, многочисленныхъ памятниковъ древне-русской духовной письменности и по описанію принадлежащихъ Казанской Академіи рукописныхъ сокровищъ“.

„Отдаетъ она должную дань уваженія трудамъ Казанской Академіи по теоретическому и практическому изученію и обличенію заблужденій русскаго раскола и сектанства“.

„Чтитъ она Казанскую Академію, поставленную въ странѣ, обильно населенной послѣдователями ислама и язычества, какъ надежный оплотъ православнаго христіанства и миссіонерскій просвѣтительный центръ, воспитавшій и воспитывающій многихъ самоотверженныхъ дѣятелей для святаго дѣла и широко распространяющій въ этомъ отношеніи свое плодотворное вліяніе“.

„Съ неизмѣннымъ почтеніемъ произносить она имена тѣхъ ученыхъ дѣятелей, которые составляли или доселѣ составляютъ собою красоту Казанской Академіи“.

„Въ знаменательный день настоящаго торжества, примыкая къ единодушному, многочисленному сонму привѣтствующихъ, Московская Академія пользуется случаемъ, чтобы выразить свое искреннее пожеланіе, да совершитъ съ неменьшею пользою и славой Казанская Духовная Академія и новое пятидесятилѣтіе своего существованія, да стоитъ она и впредь твердымъ передовымъ оплотомъ православія и русской народности на крайнемъ Европейскомъ востокѣ и да не оскудѣваютъ никогда въ ея лѣтописяхъ всѣми чтимыя имена на благо святой Православной Церкви и нашего дорогаго отечества!“.

За духовными академіями выступали на кафедре съ привѣтствіями представители университетовъ: Московскаго—проф. Павловъ, Казанскаго—ректоръ Ворошиловъ съ профессорами Осокинымъ, Корсаковымъ и др. и Новороссій-

скаго — проф. Красносельцевъ. Исторіографу Казанской Академіи, профессору П. В. Знаменскому, при этомъ вручены были дипломы отъ Московскаго университета на степень доктора русской исторіи и отъ Казанскаго университета на званіе почетнаго члена.

Кромѣ ученыхъ учреждений Казанскую Академію привѣтствовали: мѣстный начальникъ губерніи Полторатскій, помещитель учебнаго округа Петаловъ; городской голова съ членами управы и еще очень многіе представители духовныхъ и свѣтскихъ, мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній и другихъ разнаго рода учреждений. Изъ массы причетственныхныхъ писемъ и телеграммъ нѣкоторыя были прочитаны съ кафедръ инспекторомъ Академіи, профессоромъ Бѣляевымъ, какъ напр. письмо Высокопреосвященнаго Палладія, экзарха Грузіи, и телеграмма г. Товарища Оберъ-Прокурора Свят. Синода, В. К. Саблера. Послѣ привѣтственной рѣчи преосв. епископа Сергія, торжественное собраніе окончилось около шести часовъ пополудни краткимъ заключительнымъ словомъ Высокопреосв. Архіепископа Владимира и пѣніемъ народнаго гимна.

Юбилейное торжество этого дня завершилось параднымъ обѣдомъ въ кремлевскихъ покояхъ Высокопреосвященнаго Владыки, куда собрались всѣ почетные гости, представители учреждений и вся академическая корпорація. Часа три пролетѣли незамѣтно въ оживленной бесѣдѣ, прерывавшейся обычными многочисленными тостами, въ ряду которыхъ съ особеннымъ сочувствіемъ встрѣчено было высказанное Высокопреосв. Архіепископомъ благожеланіе, чтобы Казанская Духовная Академія, явившаяся отраслію Московской, съ своей стороны дала современемъ столь-же цвѣтуцій отпрыскъ въ видѣ „Сибирской Духовной Академіи“.

Радужные хозяева праздника, профессеры Казанской Академіи, любезно убѣждали меня и моего сотоварища провести вмѣстѣ съ ними и остальные дни юбилейнаго торжества; но намъ нужно было поспѣшать своимъ отъѣздомъ, чтобы возвратиться въ посадъ къ великому дню памяти преподобнаго Сергія, а потому въ 8 часовъ утра, 22 сентября мы были уже на пароходѣ и двинулись въ обратный путь. Конечно, весьма пріятно было бы провести еще два дня въ гостепріимномъ обществѣ казанской академической

корпорации и, безъ сомнѣнія, не мало интересныхъ : знакомствъ и бесѣдъ выпало бы въ этомъ случаѣ на нашу долю; но, что-же дѣлалась, приходилось лишь утѣшать себя мудрымъ изреченіемъ „хорошенькаго по немножку“. Снова заплескали волны, снова стоялъ я на балконѣ парохода и снова стали развертываться предо мною знакомыя волжскія картины; но, не смотря на довольно пасмурную погоду и рѣзкій холодный вѣтеръ, на душѣ у меня было совсѣмъ свѣтло. Волга теперь казалась мнѣ гораздо шире и берега ея стали какъ будто красивѣе; во мнѣ зарождалась увѣренность, что золотая мечта о постоянномъ общеніи и живой связи между академіями совсѣмъ не принадлежитъ къ числу неосуществимыхъ.

В. Соколовъ.
